

30
ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

Л. И. Лавров

В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

С первых же дней войны боеспособная часть сотрудников Института этнографии АН СССР ушла на фронт. Их было восемнадцать человек, из которых семь записались добровольцами в Ленинградскую армию народного ополчения. Всем им довелось участвовать в боях не только на Ленинградском, но и на Волховском, Степном, 1-м и 2-м Украинских, Дальневосточном и других фронтах, а также в Краснознаменном Балтийском флоте. Они служили солдатами, матросами, командирами взводов и рот, политработниками, военными топографами и штабными работниками. Многие были ранены и контужены, а десять человек пали смертью храбрых (старшие научные сотрудники — сибиревед Н. П. Никульшин и специалист по ненцам Г. Д. Вербов, младшие научные сотрудники — японист А. А. Савинич, специалист по финноугорским народам и народам Индонезии И. М. Лекомцев, специалист по чукчам Н. Б. Шнакенбург, американист и кавказовед А. В. Мачинский, редакционный работник А. М. Кукулевич, кочегар К. Н. Шакуров, рабочий А. Н. Шакуров и дворник М. В. Евстратов¹).

Уже в первые дни войны не ушедшие на фронт сотрудники своими силами переоборудовали институтский подвал под бомбоубежище и упакуют в ящики наиболее ценные коллекции музея, но 8 сентября 1941 г. вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо вражеской блокады, и эвакуировать коллекции не удалось. 125 ящиков с музейными вещами передали на хранение в кладовые Государственного Эрмитажа, а остальные вместе с упакованной библиотекой сложили в своем бомбоубежище. Поскольку потом в нем стало сыро, пришлось эти несколько сот ящиков перетаскивать в экспозиционные залы музея. Затем учет направления вражеского артиллерийского огня заставил снова переносить те же ящики в другие, более безопасные места. Чтобы осколки стекол, вылетающие при артобстреле из окон и шкафов, не повредили вещи, оставшиеся неупакованными, шкафы, где они хранились, обложили досками, старыми деревянными ящиками и другими предметами, а окна изнутри заставили щитами, сколоченными из досок. Мягкие музейные вещи в часы затишья периодически проветривали во дворе.

¹ Об участии в боях сотрудников Института этнографии см.: М. Г. Чивилев и др., *Магистрالی бесстрашных*, Л., 1971, стр. 58, 59, 86; «Октябрьская фронтовая. Сборник воспоминаний железнодорожников о работе Октябрьской магистрالی в годы Великой Отечественной войны», Л., 1970, стр. 376; П. Ойфа. *От имени павших*, «Литературная газета», 25 августа 1962 г.; А. В. Карасев, *Ленинградцы в годы блокады 1941—1943*, М., 1959, стр. 40, 43; Л. И. Лавров, *Из записок ополченца, сб «Ораниенбургский плацдарм»*, Л., 1971, стр. 53—66.

Для охраны здания Института этнографии и его музея были установлены посты дежурств сотрудников. Особенно тяжелы были дежурства на чердаке, который на случай пожара засыпали песком, а балки покрыли суперфосфатом. Песок, ведра, лопаты и щипцы для обезвреживания зажигательных бомб находились под рукой в разных местах здания.

Сотрудники Института, оставшиеся в Ленинграде (преимущественно женщины, старики и больные), вносили свой немалый вклад в оборону Ленинграда. В начале войны большинство из них активно участвовало в сооружении окопов, противотанковых рвов, эскарпов, землянок и пр. на подступах к Ленинграду (под Шимском, у ст. Родофиниково, у деревни Девяткино, на Карельском перешейке), а также в самом Ленинграде (на Большом проспекте Васильевского острова, у Фондовой биржи, на острове Голодай и в других местах).

Институт оказывал помощь фронту не только рабочей силой. Автор этих строк помнит, как в августе 1941 г., с разрешения уполномоченного Президиума АН СССР академика И. И. Мещанинова, получил в Институте этнографии для добровольческой воинской части, в которой он служил, два отличных бинокля, теодолит и пачку карт той местности, на которой часть приготовилась к бою. Сотрудники Института со своей стороны передали тогда автору свои личные карты окрестностей Ленинграда и 20 биноклей, а вдова известного этнографа Л. Я. Штернберга — его подзорную трубу.

В архиве Института сохранился следующий документ:

«Акт. Ленинград, 19 сентября 1941 г. Составлен настоящий акт в том, что Институт этнографии Академии наук СССР передал..., а начальник участка Васильеостровского района г. Ленинграда... принял во временное пользование оружие из коллекции музея согласно нижеприведенному списку». И далее перечислены: сабель в ножнах — 8, шашек в ножнах — 4, шпага в ножнах — 1 и кинжалов в ножнах — 4.

Сотрудники Института посылали в действующую армию подарки и письма.

Провал вражеского плана с ходу ворваться в Ленинград в сентябре 1941 г. и переход к позиционным формам борьбы на его окраинах не исключали новых попыток врага проникнуть в город. Поэтому вблизи Института на Университетской набережной выросли дзоты, а Таможенный переулок между Институтом и соседним зданием Ленинградского административно-хозяйственного управления Академии наук (ЛАХУ) был перегорожен проволочным заграждением.

В 1942 г. здание Института по приказу командования фронта было переоборудовано в опорный пункт обороны. Ряд окон заложили кирпичами и мешками с песком. Оставленные в окнах щели должны были на случай уличных боев превратиться в амбразуры.

Суровым стал в блокаду и быт сотрудников. Часть их, переведенная на казарменное положение, находилась в Институте круглосуточно. Поскольку городской транспорт не работал, а физические силы сотрудников от недоедания были подорваны, почти все они также переселились в Институт. Летом жили в первом и втором этажах, а зимой — в подвале, где установили печку и куда сами провели телефон и радио. В 1942 г. для отопления Института сотрудники разобрали пустовавший двухэтажный дом в Новой Деревне (окраина города) и на саночках перевезли его в Институт. Много сил уходило на уборку снега на улице. То была тяжелая и надоедливая, но необходимая работа.

Враг пытался разрушить историческое здание Института и сосредоточенные в нем музейные сокровища мирового значения. В ночь на 18 октября 1941 г. после очередного налета фашистской авиации дежурный Е. В. Жиров поднял сотрудников для ликвидации пожара на башне, вспыхнувшего от зажигательной бомбы. Принятыми мерами Институт и музей были спасены. Зажигательные бомбы, сброшенные на Институт

4 и 13 ноября того же года, сотрудники своевременно обезвредили. Осколки артиллерийского снаряда 3 или 4 декабря повредили башню со стороны двора. Внешняя и внутренняя отделка стен Института, а также крыша были повреждены осколками при артобстрелах 7, 12, 26 января, 10 февраля 1943 г. и в другие дни. Фугасная бомба, разорвавшаяся на набережной между зданиями ЛАХУ и Институтом этнографии, изувечила стену последнего со стороны Таможенного переулка. Один из снарядов снес парапет на крыше восточного крыла здания. В Институте за время блокады вылетело 90% оконных стекол; их пришлось заменять листами фанеры. Во многих местах крыша оказалась пробита осколками, и сотрудники систематически заделывали пробойны толем и железом. Осколки снарядов и бомб не менее 20 раз попадали в здание через окна, но благодаря принятым мерам пострадали только два экспоната.

Сотрудники, спасавшие музей от гибели и сами рисковавшие жизнью во время обстрелов и бомбежек, постоянно недоедали, а в первую блокадную зиму 1941—1942 гг. прошли через нечеловеческие испытания голодом. В отчете Института говорилось о том времени: «Жизнь Института постепенно замирала. Больные поголовно дистрофией и цингой, сотрудники не имели сил даже перенести со двора в подвал дрова»². В эту зиму голод унес в могилу старших научных сотрудников: слависта К. А. Пушкиревича, сибиреведов Н. П. Дыренкову и Г. Н. Прокофьева, американистку С. А. Ратнер-Штернберг, специалиста по Океании А. Б. Пиотровского, кавказоведа А. Н. Генко и антрополога Г. И. Петрова; младших научных сотрудников: сибиреведов Н. А. Липскую и К. А. Большеву, русистку Н. Н. Тихоницкую, индолога В. К. Краснодембского, специалистов по Средней Азии А. Н. Кондаурова и В. В. Екимову, антропологов Е. В. Жирова и А. Н. Юзefовича, библиотекаря Е. М. Кубиш, аспиранта-сибироведа А. П. Козловского, научно-технических сотрудников Н. Р. Коснирковского, Г. Г. Баевич и О. Н. Драмову, экскурсовода М. В. Гнесину, реставратора А. В. Гушину, фотографа Е. П. Эмме, препараторов А. А. Луканину и В. А. Елкина, счетовода Е. А. Курманаева, вахтеров Е. Ф. Самсоненко, О. К. Кузнецову, А. В. Козлова и В. С. Оверко, дворняков И. И. Сафимова и А. Н. Старикову и рабочую Г. Ш. Шакурову. Во время блокады от голода умерло 33 человека. Многие из них скончались в помещении Института. Живые хоронили мертвых и снова становились на вахту. Вместе с убитыми на фронте Институт потерял за войну (не считая умерших от болезней) 43 человека, или 42% сотрудников, состоявших в штате на 1 июня 1941 года.

Величайшего удивления и восхищения достойно то, что в период блокады и даже в самую страшную первую ее зиму сотрудники Института этнографии не забывали о научной работе. В декабре 1941 г. они участвовали в работах пленума Института истории материальной культуры, посвященного памяти академика Н. Я. Марра и только что тогда умершего от голода академика С. А. Жебелева. Младший научный сотрудник А. Н. Кондауров незадолго до смерти защитил в декабре 1941 г. кандидатскую диссертацию. Диссертацию подготовила и младший научный сотрудник Н. Н. Тихоницкая, но умерла, не успев защитить ее. Над докторской диссертацией работал старший научный сотрудник Д. А. Ольдерогге. Весной 1942 г. возобновилась прерванная войной подготовка коллективного труда «Народы мира».

Научная работа не прекратилась и после эвакуации в Среднюю Азию большинства научных сотрудников, переживших зиму 1941—1942 гг. Оставшиеся в Ленинграде 4 научных сотрудника продолжали заниматься исследованиями в часы, свободные от дежурств и физического труда.

² Цит. по кн. А. В. Кольцов, Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943), М.—Л., 1962, стр. 80.

Еще 1 апреля 1942 г. в Ленинграде был образован Объединенный ученый совет гуманитарных институтов АН СССР. В его работе приняли участие этнографы и антропологи. В сентябре 1943 г. в бомбоубежище Института этнографии стала собираться вновь созданная Группа историков Ленинградских учреждений АН СССР под председательством Ю. П. Францева. Ученым секретарем Группы была избрана этнограф К. В. Вяткина.

С лета 1942 г. по 1944 г. в Ленинграде продолжали нести вахту 14 сотрудников Института: заведующий отделом оформления музея, ставший тогда уполномоченным Президиума АН СССР, архитектор Р. И. Каплан-Ингель, старший научный сотрудник К. В. Вяткина, младшие научные сотрудники В. В. Антропова, В. В. Федоров и М. Д. Торэн, заведующая канцелярией А. Н. Калдыкина, комендант здания Е. А. Максимова, вахтеры А. Н. Макарова, О. П. Карманова и М. Т. Константинова, рабочие З. И. Каплан, П. Н. Артамонова и Н. В. Андросова, дворник М. В. Евстратова. Именно им мы обязаны больше всего спасением здания Петровской Кунсткамеры и сокровищ Музея антропологии и этнографии. Все они, как и воины Ленинградского фронта, были награждены медалью «За оборону Ленинграда», а Р. И. Каплан-Ингель, К. В. Вяткина, В. В. Антропова, Е. А. Максимова и А. Н. Макарова, кроме того, другими орденами и медалями³.

В 1942 г. эвакуированные из Ленинграда этнографы образовали Ташкентскую группу Института этнографии во главе с заместителем директора Н. Н. Степановым. В том же году был назначен новый директор Института С. П. Толстов и создана Московская группа, в которую вошли этнографы, антропологи, фольклористы, ранее не состоявшие в штате Института этнографии. Ташкентская и Московская группы широко развернули научные исследования⁴.

В заключение остается сказать, что среди сотрудников, пришедших в послевоенные годы в Институт этнографии, также немало участников Великой Отечественной войны.

IN LENINGRAD UNDER SIEGE

The author recounts the heroic deeds of those working in the Institute of Ethnography (USSR Academy of Sciences). In the besieged war-time Leningrad they participated in the city's defence, managed to save the priceless collections of the Museum of Anthropology and Ethnography and, despite the hardships of the blockade, continued their research work.

³ О работе Института этнографии в годы блокады см. также: А. В. Кольцов, Указ. раб.; Г. Л. Соболев, Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, М.—Л., 1966; Т. В. Станюкович, Музей антропологии и этнографии за 250 лет, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XXII, М.—Л., 1964; Н. Н. Степанов, В Институте этнографии АН СССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 1, М., 1946.

⁴ О научной работе в Ташкентской и Московской группах в годы войны см.: М. Г. Рабинович, Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны, «Сов. этнография», 1946, № 1; см. также статью М. Г. Рабиновича и С. А. Токарева «Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы» в настоящем номере журнала.